

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

AÑO XX

Buenos Aires, Martes, 26 de noviembre de 1968

Буэнос Айрес, вторник 26-го ноября 1968 года № 980.

С. Л. Войцеховский

Записная Книжка

НОЯБРЬ 1968

НЕКОТОРЫЕ ЦИФРЫ

В нашей зарубежной печати нередко повторяется фраза: многомиллионная русская эмиграция... Эта фраза — один из тех штампов, которые мешают верно понимать положение эмиграции, ее задач, перспектив и возможностей.

Русская эмиграция никогда не была многомиллионной. С натяжкой, ее — до 1939 года — можно было назвать миллионной, если отнестись к ней не только русских старожилов Южной и Северной Америки, но и значительное число переселившихся в Соединенные Штаты карпатоссов. Не отрицая этнической связи тех и других с русским народом, ни в чем не умаляя их качеств, надо, однако, сказать, что подавляющее большинство никогда не считало и не называло себя эмигрантами. Они, в свое время, покинули Россию и Карпатскую Русь не по политическим, а по экономическим побуждениям. Отрезанные в течение полувека от русского мира, лишенные какой-либо помощи от захваченной коммунистами родины, многие из них, постепенно, денационализировались, хоть и остались православными, но и журнал Федерации Русских Православных Клубов в Соединенных Штатах, и карпаторусский “Церковный Вестник” уже давно выходят не на русском, а на английском языке. Какая-то часть этих русских по происхождению граждан американских республик подпала под влияние коммунистической пропаганды и вызванного ею советского патриотизма и, следовательно, к эмиграции не может быть причислена. Только незначительное меньшинство сохранило связь с эмиграцией.

Точных статистических данных, позволяющих определить число эмигрантов из России, никогда не было и нет, но существовали, до последней войны, неко-

торые ориентировочные сведения, которые можно найти, главным образом, в посвященных правовому положению эмигрантов изданиях Лиги Наций. По их мнению, с Юга России эмигрировало в 1919-1920 гг. 200-250 тысяч человек. Определение числа эмигрантов, попавших из России в т. н. лимитрофные государства и в Маньчжурию, было трудным потому, что в Бессарабии, Польше и балтийских государствах эмигранты слились с коренным русским населением, а на Дальнем Востоке — осевшими там до революции русскими людьми. Однако, в обоих случаях можно было говорить, в лучшем случае, о сотнях тысяч, но не о миллионах эмигрантов. В тридцатых годах Франция пользовалась репутацией государства, где эмигрантов собралось особенно много. Между тем, число нансеновских паспортов, которые там выдавались бесподанным эмигрантам из России, равнялось, приблизительно 70 тысячам. Впечатление многомиллионности создавалось, очевидно, существованием русских национальных меньшинств в Восточной Европе и дореволюционно-го русского населения вдоль полосы отчуждения Восточно-Китайской железной дороги.

СРЕДСТВО ПРОВЕРКИ

Последняя война резко изменила положение, существовавшее до 1939 года. Хотя часть русских по национальному происхождению граждан восточно-европейских государств превратилась в эмигрантов, подавляющая масса этих меньшинственных групп осталась в государствах, захваченных коммунистами, и, за исключением нескольких сотен тысяч человек, преимущественно, в Польше, прямо подпала под власть СССР на включенной в него территории. Русская жизнь в Китае и в Маньчжурии подверглась полному разгрому и только части тамошних русских людей удалось, в последние годы, переселиться в Австралию и в Южную Америку. Другая часть, добровольно или принудительно, оказалась в СССР. Жестоко пострадала и русская эмиграция на Балканах, особенно, в Болгарии, откуда спаслись немногие. Словом, последняя война значительно сократила число эмигрантов в Европе и почти полностью уничтожила русскую эмиграцию на Дальнем Востоке, где незначительные русские колонии в Японии

или на Формозе лишены какого-либо численного веса.

Правда, эмиграция пополнилась теми русскими людьми, которым удалось не только уйти из СССР во время войны, но и избежать выдачу и принудительной репатриации после нее. По понятным причинам, никакой статистики, учитывающей число этих новых эмигрантов, не существует, но распространенные утверждения о размере этого числа крайне преувеличены. За океан из Европы переехали не сотни, а десятки тысяч. Если даже допустить — что вряд ли вероятно — что другие десятки тысяч остались в Европе, о миллионах речи быть не может.

Впрочем, для определения действительного числа тех, кто заслуживает имени политического эмигранта, существует верное средство. Оно состоит в вычислении числа читателей русской зарубежной прессы.

Я намеренно написал “читателей”, а не “подписчиков”, ибо, в жизни русской эмиграции эти слова имеют разное значение.

УРОКИ ТИРАЖА

В Соединенных Штатах определить число читателей русской прессы легко. Существует закон, обязывающий газеты и журналы ежегодно доводить до всеобщего сведения размер их тиража. Если даже допустить, что, в отдельных случаях, сообщенные цифры, по коммерческим соображениям, несколько преувеличены, можно прийти к выводу, что газеты, существующие в Нью Йорке и в Сан Франциско печатаются в 27 тысячах экземплярах. Кроме того существует ряд журналов, общий тираж которых равняется приблизительно 10 тысячам.

Есть полное основание предположить, что каждый экземпляр газеты читается даже не 3-мя, а, по крайней мере, 4-мя лицами, в частности, благодаря обычно вению посылать прочитанные газеты из Северной Америки в Южную, в Европу и даже в Австралию. Таким образом, для установления числа читателей, следует цифру тиража помножить на три или на четыре. Для получения точного ответа лучше ограничиться числом читателей газет, так как большинство читателей журналов читает и газеты и включение их читателей в общий итог исказило бы картину.

Конечно, не каждый читатель русской газеты может быть назван политическим эмигрантом. Такую большую ежедневную газету, как “Новое Русское Слово”, читают, несомненно, люди, к русской эмиграции не принадлежащие, но, при отсутствии статистики и невозможности точного ответа, гипотеза, основанная на числе читателей любой газеты на русском языке, не перестанет быть верной, даже в случае той или иной небольшой ошибки в подсчете.

Итак, можно сказать, что в свободном мире существует не менее 80 тысяч читателей русских газет, выходящих в Соединенных Штатах. Мне неизвестны тиражи русских газет в Аргентине, в Австралии и во Франции, но думаю, что можно, в виде второй гипотезы, сказать, что общее число их читателей не превышает 25 тысяч человек. Из них часть читает и русские издания, печата-

Если мы признаем, что истинной самодовлеющей (онтологической) сущностью национальной идеи России является идея православия, с совершенно неизбежной логической последовательностью мы должны будем признать, что уроки какой бы то ни было иной государственности, возникшей на какой бы то ни было иной религиозной системе, для нас непригодны и неприемлемы. Политические заимствования из Америки будут такой же политической ересью, какой являются религиозные заимствования из Ватикана (уния и секты). Эти попытки под внешне - соблазнительными лозунгами протаскивают в русское национальное сознание такие же чужеродные элементы, какие протаскивали шляхетство, масонство, либерализм, иезуитство и марксизм.

Иван СОЛОНЕВИЧ

ющиеся в Соединенных Штатах. Поэтому, окончательный вывод состоит в том, что русская зарубежная печать располагает, в настоящее время, сотней тысяч читателей. Эта сотня тысяч, а не мифическая многомиллионная масса, и есть то, что осталось от русской эмиграции после ее полувекового существования и после катастрофы, постигшей часть эмигрантов в сороковых годах.

То, что эта цифра включает немало стариков, не имеет особенного значения. Наряду с ним есть немало молодых русских людей, которые черпают информацию не из русских, а из иностранных изданий в странах, языками которых они свободно владеют, но остаются, тем не менее, русскими людьми, читают если не газеты, то русские книги.

Как я уже сказал, установить точное число эмигрантов невозможно. Приблизившись, однако — насколько это возможно — к реальному представлению об этом числе, можно исходить из него для ответа на вопрос, имеющий немалое значение и — как я это отметил в октябрьской “Записной Книжке” — волнующий читателей “Нашей Страны”: может ли русская эмиграция сохраниться за рубежом, как особая группа, не слившаяся с внешним миром, и не ограничено ли ее существование сравнительно коротким сроком?

Не сомневаясь в утвердительном ответе, уверенный в том, что свидетели революции не будут последним русским зарубежным поколением, я скажу в следующей статье, чем это мнение объясняется.

С. Л. Войцеховский

● КРИТИКА ПРОЦЕССА

(КРС) Орган итальянской компартии, газета “Унита” подвергла критике приговор, вынесенный московским городским судом по делу Павла Литвинова, жены писателя Даниэля Ларисы, Вадима Делоне, Константина Бабицкого и Владимира Дремлюги.

(Литвинов приговорен к 5-ти годам, Лариса Даниэль к 4 годам, Бабицкий к 3 годам ссылки в “отдаленные края”; Дремлюга приговорен к 3-м годам, а Делоне к 2-м годам 10 месяцев в трудовых лагерях).

“Унита” подчеркивает, что даже в свете официальных сообщений о действиях, в которых они обвинялись, вынесенный им приговор представляется слишком суровым. Как отмечает далее итальянская коммунистическая газета, нельзя забывать того факта, что действия осужденных отражали лишь расхождение во мнениях по вопросу, который продолжает волновать и вызывать разногласия среди миллионов коммунистов.

В связи с этим суровым приговором и другими подобными приговорами, вынесенными в Советском Союзе, — указывает “Унита” — приходится констатировать, что через 50 лет после октябрьской революции в СССР остро встает проблема осуществления на деле принципов демократии и гарантии их применения в судопроизводстве.

Одновременно в Лондоне начальник отдела печати английской компартии Нора Джеффри выразила озабоченность по поводу вынесения таких суровых приговоров. Она заявила, что, если дело касалось только нарушения общественного порядка, то подсудимые не заслуживали такого строгого наказания. Если же вопрос шел о разногласиях, то, по мнению английской компартии, в таких случаях следует применять методы идеологического воздействия, а не административные меры.

В выпусках газет “Московская правда” и “Вечерняя Москва” (12. 10. 68) подсудимые были названы пьяницами и паразитами. Кроме того в газетах содержалось предупреждение против повторения в будущем публичных протестов в Москве.

† Волею Божией 17-го ноября 1968 года скоропостижно скончалась

МИЛИЦА ВЛАДИМИРОВНА ДЕДУШЕНКО

о чем с глубоким прискорбием извещают Наталия Дедушенко и семья

Альбрехт

обращение крымских татар к мировой общественности

(КРС) Мы приводим выдержки из вышеуказанного документа, недавно полученного на Западе из Советского Союза:

"В 1944 году ВЕСЬ НАШ НАРОД был клеветнически обвинен в измене советской родине и насильственно выселен из Крыма.

Все взрослые мужчины находились на фронте, трудоспособные старики и подростки в трудовой армии. В течение одного дня, 18 мая, около двухсот тысяч беззащитных женщин, детей и инвалидов были без предупреждения изгнаны из домов войсками НКВД, погружены в эшелоны и под конвоем вывезены в резервации. Этой операцией руководил маршал Ворошилов. Около трех недель, в закрытых вагонах, почти без пищи и одежды, нас везли в Среднюю Азию. Туда же после окончания войны отправили мужчин, возвратившихся с фронта. В результате бесчеловечной депортации и невыносимых условий, в которых мы оказались, в первые же годы погибло свыше половины всего нашего народа. Одновременно была ликвидирована наша национальная автономия, разгромлена национальная культура, уничтожены наши памятники, осквернены и стерты с лица земли могилы наших предков.

В течение последующих двенадцати лет мы жили на положении ссыльных, подвергались дискриминации, на наших детях, даже родившихся в ссылке, лежало клеймо "предателя", о нас выпускалась клеветническая литература, кото-

рую до сих пор читают советские люди. После XX съезда КПСС с нашего народа был снят режим ссылки, но не снято обвинение в измене родине и по-прежнему не разрешено возвращаться в Крым. С 1957 по 1967 годы в ЦК КПСС и в Президиум Верховного Совета СССР нами были посланы сотни тысяч коллективных и индивидуальных писем с требованием положить конец несправедливости.

Представители нашего народа в Москве, после настойчивых просьб, несколько раз были приняты руководителями партии и правительства Микояном, Георгиевым, Андроповым и Шелоговым. Каждый раз нам обещали скорейшее разрешение крымско-татарского вопроса, но вместо этого следовали аресты, высылки, увольнения с работы и исключения из партии.

Наконец, 5 сентября 1967 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, снявший с нас обвинение в предательстве. Однако, называя нас не крымскими татарами, а "гражданами татарской национальности, ранее проживавшими в Крыму", Указ тем самым узаконил наше изгнание с родины и ликвидацию нас как нации. Не сразу мы поняли смысл Указа. Несколько тысяч человек после его опубликования поехали в Крым, но были вновь насильственно выдворены оттуда. Протест, который наш народ отправил в ЦК КПСС, остался без ответа. Без ответа остались и протесты поддерживавших нас представителей советской общественности.

Власти отвечали нам лишь преследованиями и судебными процессами. С 1959 года на процессах было осуждено на срок до семи лет свыше двухсот наиболее активных и мужественных представителей нашего народа, хотя они всегда действовали в рамках Советской Конституции. Репрессии по отношению к нам особенно усилились в последнее время. 21 апреля 1968 года в городе Чирчике войсками и милицией были разогнаны крымские татары, присутствовавшие на праздновании дня рождения Ленина, свыше трехсот человек было арестовано. В мае в Москву поехало во-

передать ЦК КПСС письмо с требованием о возвращении народа в Крым. 16 и 17 мая почти все представители были арестованы и под конвоем вывезены в Ташкент. Одновременно в Ташкенте осудили на разные сроки четырех представителей нашей интеллигенции. Ежедневно десятки людей вызывают в местные органы КГБ и пытаются шантажом и угрозами принудить к отказу от возвращения на нашу родину.

О нас распространяется клевета, что мы хотим вернуться в Крым, чтобы выселить тех, кто сейчас там проживает. Это неправда. Мы мирный народ, всегда жили и будем жить в дружбе с многонациональным населением Крыма. Не мы угрожаем кому-либо — нас постоянно держат под угрозой национального уничтожения.

То, что с нами делают, имеет вполне определенное название — ГЕНОЦИД.

На протяжении нашей борьбы под письмами, посланными нашим народом советскому правительству, было собрано в общей сложности более трех миллионов подписей. Это значит, что каждый взрослый крымский татарин подписался под ними не менее десяти раз. Но напрасно звучало обращение 300.000 человек, повторенное десять раз. Ни одна партийно-правительственная инстанция ни разу не ответила нам, ни одна советская газета ни разу не упомянула о нашей борьбе.

Поэтому мы обращаемся к мировой общественности.

Мы обращаемся ко всем народам Советского Союза как малый независимый народ обращается к народам-братьям.

Мы обращаемся ко всем народам мира, прежде всего к тем, кто на себе испытал, что значит национальное неравноправие и угнетение.

Мы обращаемся ко всем людям доброй воли в надежде, что вы окажете нам помощь.

Помогите нам вернуться на землю наших отцов!

Письмо подписали 118 представителей крымско-татарского народа, обладающие мандатом, уполномочивающим их от имени народа бороться за возвращение на Родину всеми законными средствами. ●

ПРЕБЫВАНИЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОЙШЕГО ВЛАДЫКИ АФАНАСИЯ В АСУНСИОНЕ (ПАРАГВАИ)

Приход Храма Покрова Пресвятыя Богородицы в Асунсионе был осчастливлен долгожданным прибытием нашего Архиепископа Высокопреосвященнейшего Владыки Афанасия, который пребывал среди нас с 12 по 14 октября с. г.

В день прибытия, 12-го, Владыка был встречен на границе Парагвая с Аргентиной, настоятелем храма о. Иоанном Петровым, членами Церковного совета и некоторыми членами прихода.

После положенных формальностей, Владыка на автомобиле Н. А. Рылина последовал в наш храм, где его ожидали собравшиеся прихожане с церковным старостой П. А. Гриваловым, хлебом-солью приветствовавшего дорогого гостя с благополучным прибытием и также словом о настоятеля, который выразил общую радость и благодарность Владыке за его приезд.

При входе в храм Владыка был встречен пением хора "Достойно есть". После краткого молебствия и провозглашения многолетия Митрополиту Филарету и Архиепископу Афанасию и после целования креста Владыка проследовал на квартиру Настоятеля, где была предложена Дамским Комитетом чашка чая. Все дни пребывания Архиепископа Афанасия: в субботу 12, воскресенье 13 и понедельник 14 — день нашего храмового праздника Покрова Пресвятыя Богородицы — Богослужения совершал Владыка в сослужении о. Иоанна при двух иподиаконах: Николае Горбове и Андрее Папкове, прибывших вместе с Владыкой из Буэнос Айреса.

На всех Богослужениях проникновенно-торжественно пел хор под управлением инж. Б. В. Ермольева за что получил благодарность от Архиепископа Афанасия.

В воскресенье, 13 октября, во время Малого входа за усердное служение св. Церкви Владыка наградил нашего Настоятеля о. Иоанна золотым наперсным крестом.

В день храмового праздника Архиепископом Афанасием была отслужена торжественная Литургия. Пред молебном Владыка произнес глубоко сожалеятельное поучение и благодарил прихожан за порядок, дисциплину и преданность Православной вере. Нужно добавить, что присутствие на всех Богослужениях впервые у нас двух иподиаконов, которые сразу завоевали симпатии прихожан, особенно способствовало торжественности Богослужений.

В понедельник, 14-го октября, вечером в местном гарнизонном собрании Парагвайской армии, благодаря стараниям Полковника Парагвайской армии А. Н. Флейшера и трудам и хлопотам наших дам, был устроен банкет по случаю Престольного праздника и в честь дорогого гостя Высокопреосвященнейшего Владыки Афанасия, на котором присутствовало 57 человек, что явилось редким явлением в нашей малочисленной колонии и что лишним раз доказало нашу преданность и любовь Владыке. С приветственными речами выступали староста храма П. А. Привалов, член церковного совета В. Н. Грасси, затем бывший староста прихода Н. А. Корсаков, который сделал краткий доклад о жизни прихода за последние 30 лет, благодарил Владыку за назначение к нам о. Иоанна и пожелал Владыке сил и здоровья в такой трудной деятельности на ниве Православия.

Владыка проникновенно и горячо призывал всех жить в христианской братской взаимной любви и еще раз благодарил приход за внимание, оказанное ему. Особо благодарил Н. А. Корсакова за его 30-летнюю церковную деятельность, за его заслуги, проявленные им в защиту нашего храма в городе Энкарнасионе, которому угрожало быть переданным враждебным нашему Синоду элементарам, делавшим свои происки по подложным документам.

Во время своего пребывания среди нас Владыка вел беседы с членами Церковного совета, с прихожанами, которые его приглашали и чувствовалось наредкость праздничное настроение и большой духовный подъем.

15 октября в 6 час. утра мы, с большим сожалением, проводили нашего Высокопреосвященнейшего Архиепископа в Аргентину, выразив пожелание снова увидеть Его у нас, в Парагвае, в недалеком будущем.

Секретарь Церковного Совета
Л. В. Оссовский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ДЕНЬ НЕПРИМИРИМОСТИ

Нам пишут из Нью Йорка: День Непримириности был ознаменован в этом году в Нью Йорке при очень не благоприятствовавшей этому ознаменованию погоде, затруднившей проезд на место собрания, которое, несмотря на это, привлекло свыше 500 участников.

Председателем собрания, созданного русскими общественными организациями, был князь С. С. Белосельский-Белозерский. Кроме него, в президиуме собрания находились Р. М. Васильев и Б. В. Сергиевский.

На собрании присутствовали: Е. В. Княжна Вера Константиновна, архиепископ Никон (Граве) и епископы Лавр (Шкурло) и Андрей (Рымаренко).

Епископ Андрей огласил короткое обращение отсутствовавшего из Нью Йорка митрополита Филарета к собранию. По его предложению, участники собрания пропели "вечную память" жертвам коммунизма в России.

После исполнения русского национального гимна "Боже, Царя храни" и гимна Соединенных Штатов возглавляющий Организацию Российских Юных

Разведчиков на восточном побережье США скаутмастер А. В. Ильинский произнес речь о непрекращающейся с 1917 года борьбе русского народа против коммунистической диктатуры, посвятив значительную часть этой речи современным проявлениям недовольства и оппозиции молодого поколения в СССР.

Бывший узник Соловецкого лагеря В. Ф. Мариненко, приехавший в Нью Йорк из Вашингтона, перечислил в своей речи главные преступления, совершенные коммунистами в России, назвав, на первом месте, Екатеринбургское царевубийство, и сказал, что коммунистический строй не может быть исправлен, но должен быть сломлен. Он же обратил внимание собрания на то, что при всех последних президентах Соединенных Штатов, от Рузвельта до Джонсона, американская политика стремилась к "мирному сосуществованию" с коммунистами, и высказал надежду на то, что при будущем президенте Никсоне эта политика изменится.

Б. В. Сергиевский огласил короткое письмо бывшего командующего американскими вооруженными силами в Азии генерала Ведемейера, ушедшего, в свое время, в отставку в виде протеста против поддержки, оказанной Америкой коммунистам в Китае. Письмо содержало уверенность ген. Ведемейера в неизбежности продолжения борьбы с коммунизмом и в том, что эта борьба приведет к освобождению России без нарушения ее территориальных и государственных интересов.

Р. М. Васильев огласил сообщение протодиакона о. Александра Киселева об

РУССКАЯ АМБУЛАТОРИЯ О.Р.Ю.Р.

Прием больных от 14.00 до 15.00 час. по субботам.
Адрес: Calle Buenos Aires 2655, Olivos. Коллективы: 4, 143, 113, 215 и железнодорожная станция "Dr. Cetrangolo" (Mitre).
Стоимость визита — 50 песо.
Электрокардиограммы, рентген и анализы по сильно удешевленным ценам.
Заведующий амбулаторией — д-р М. Царевский.

организованной Св. Серафимовским Фондом в Нью Йорке передаче православных богослужений по радио для слушателей в СССР. Эти передачи регулярно происходят из Германии и из Монако. Прот. Киселев, в своем обращении, призвал русскую эмиграцию к материальной поддержке этого начинания.
В заключение дружина О. Р. Ю. Р. выступила с состоящим из песен и чтения патристическим монтажом, иллюстрировавшим непрерывную борьбу русского народа за его освобождение от коммунистического рабства.

ГODOBЩИНА СМЕРТИ

Г. В. МЕСНЯЕВА

Нам пишут из Нью Йорка: В канун первой годовщины смерти сотрудника "Нашей Страны", писателя и публициста Г. В. Месняева, на его могиле на кладбище Ново-Дивеевского монастыря в окрестностях Нью Йорка преосвященным Андреем, епископом Рокландским, была отслужена панихида, на которой присутствовали семья, родственники, друзья и единомышленники покойного. Выходящая в Нью Йорке газета "Россия", соредктором которой был покойный Г. В. Месняев, была представлена ее редактором Г. Б. Александровским.

Та же газета подготовила к печати посмертный сборник произведений Г. В. Месняева, который поступит в продажу в течение 1969 года. В этот сборник войдут как литературные, так и некоторые публицистические очерки и статьи.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машинa Ultrasonico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
T. E. 88 - 3605
(Один квартал от станции подземки Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

ВЫСТАВКА КАРТИН
И. Н. ШМИТОВА
состоится в галерее
RIOBOO NUEVA, FLORIDA 948
Capital Federal
с 15-го по 30-ое ноября 1968 г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ МЕСТО РОМАНА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА "В ПЕРВОМ КРУГЕ"

(По итальянскому изданию Мондадори)

Мне довелось прочесть этот замечательный по своим литературным достоинствам роман после "Ракового корпуса" и поэтому он произвел на меня гораздо меньшее впечатление. В этом романе описывается пять дней жизни (с 24-го по 31-е декабря 1949 г.) в "шаражке", как на концлагерном жаргоне называют привилегированные места заключения, где незаменимые специалисты используются для научно-инженерной работы по секретным заданиям, разрабатывая проблемы создания новых видов оружия, новых аппаратов для разведки и контрразведки, микроскопических фотосъемок и передач и т. д. Эти инженеры живут в особых тюрьмах в Москве или в окрестностях, получают в награду свидания с женами, прекрасное питание, хорошие гигиенические условия, книги для чтения, но за это работают по 12 часов в сутки, а при спешном задании проводят целые ночи напролет в лабораториях, за чертежами, вычислительными машинками и механизмами под наблюдением квалифицированных чекистов. Солженицын сравнивает их жизнь с первым кругом дантовского "Ада", где пребывают непознавшие христианства древние мудрецы. В эти особые тюрьмы высылаются из концлагерей люди, испытывавшие муки лагерных барачков и непосильных физических трудов.

Солженицын верно подчеркивает, что ужас заключается в том, что в любой момент строптивного или подозреваемого в саботаже специалиста могут отсюда снова отправить в самые страшные круги советского ада.

Могу засвидетельствовать, что в таких особых условиях работали в заключении гениальный авиаконструктор А. Н. Туполев, судостроители Карцев и Костенко, изобретатель системы деревянных шлюзов, впервые в мире построенных под его руководством, В. Н. Маслов, инженеры Будасси и Журин и много других, с которыми я лично встречался на Беломорстрое. Их условия жизни не испытаны самим Солженицыным и поэтому описание "Первого Круга" во многом фантастическое. Мы стремимся видеть в подсоветских произведениях историческое свидетельство, а потому нас не удовлетворяет роман, хотя бы исторический. Дело в том, что характер свидетельства ценен, когда автор описывает то, что он видел и переживал: И. Л. Солоневич, проф. Черняев, проф. И. М. Андреев, Б. Н. Шпряев верно и точно описали, что испытали, как Аллилуева верно описала домашнюю жизнь отца и его расправы с женой, сыновьями, родными, но не раскулачивание и режим лагерей, о чем могла бы лишь повторить чужие слова.

На пресловутом диспуте Солженицына с советскими писателями он признал, что задумал "В первом круге" в концла-

гере, охваченный чувством жгучей ненависти к своим мучителям, а потому дал волю своей фантазии, но в "Раковом корпусе", как раньше в "Дне Ивана Денисовича" или "Матренином дворе" верно описал то, что сам видел и переживал в концлагере, после него живя у крестьянки Матрены и будучи сам на излечении в "Раковом корпусе", где и оправился.

Сначала остановлюсь на "фантастических" сценах, которые блестяще описаны, но не отражают реальность.

Описывая впоследствии расстрелянного министра государственной безопасности В. С. Абакумова, он изображает его малограмотным чекистом, который смолоту упражнялся в боксе и выбивал зубы и уродовал лица допрашиваемых, чем добивался "признаний", на которых сделал карьеру вплоть до министерского поста. Это, конечно, неверно: в СССР одним кулаками портфель министра не получишь. Зная биографии всех советских министров той эпохи, утверждаю, что эти опасные жестокие изверги преимущественно с высшим образованием, пришедшие к власти путем хитроумных и подлых интриг, а потому нельзя их исторически (в романе можно) изображать глуповатыми боксерами. Также фантастична фигура Сталина и зло, но неверно, что он доверял в жизни только... Гитлеру, почему война и застала СССР неподготовленным. С художественной же точки зрения страницы, рисующие Сталина (114-156) прекрасны, как описания Сатаны у Данте.

Неправдоподобно описание контроля за работами инженеров над чертежами, в лабораториях и над книгами: чтоб инженеры хорошо работали и не болтали между собой в часы работы, за ними следят в форме лейтенантов КГБ молодые комсомолки, окончившие технические ВУЗы; некоторые выдают на время работы секретные чертежи; некоторые (одна по крайней мере) влюбляются в этих инженеров, подневольно служащих коммунистической диктатуре и работающих на снабжение ее смертоносным оружием и методами и приборами по установлению личности говорящих по телефону. Прекрасный по литературным достоинствам рассказ о чекистке Симочке, влюбившейся в инженера и мечтающей от него забеременеть, трагичен и... неправдоподобен. В КГБ всех времен хватает неумолимых мужчин для надзора за заключенными интеллигентами и его никогда не поручают молодым комсомолкам, влюбляющимся в своих поднадзорных.

Наконец, неправдоподобен рассказ о молодом изворотливом бродяге, который, попав всякими хитростями, в "Первый круг", сумел ловко разоблачить информаторов (по советски — "стукачей") среди заключенных, но разболтал не-

осторожно об этом самим информаторам, которые его выдали на муки. Именно такой ловкий человек, перехитривший чекистов, никогда не выболтал бы свой секрет.

Есть и другие фантастические измышления автора, которые ему нужны для усиления литературного эффекта произведения. Поэтому перед нами не историческое свидетельство, как в трудах перечисленных выше жертв советских концлагерей.

Но совершенно точны и верны описания психологии инженеров и ученых, их разговоры между собой, так точно напомнившие мне подобные же беседы с глазу на глаз между доверяющими друг другу заключенными, тяжелые муки, переживаемые гонимыми их женами, вынужденными идти на формальное отречение от мужа и развод, чтобы остаться на службе и тайно ему помогать; высоко драматично свидание инженера Глеба Нержина с измученной на воле женой Надей (стр. 285-294) или четы Герасимчуков (стр. 294-300). Глубоко трагично объяснение Нержина и не красивой, но влюбленной в него чекисткой Симочкой, от ласк которой инженер отказывается, ибо был потрясен на свидании трагедией верной ему за восемь лет разлуки, нужды и травли жены.

Прекрасной сатирой на отношения Запада к большевицкому террору и терзаниям неповинных инженеров является картина посещения "первого круга" вдовой президента Элеонорой Рузвельт. Заключенных побрили и вымыли, камеру отремонтировали, украсили цветами, поставили на стол изысканный обед, православную и католическую иконы Божией Матери повесили на стену, на постамент поставили "улыбающегося Будду", чтоб показать госте свободу вероисповеданий, перед ее визитом заключенным приказали при ней молиться Богу, желающим разрешили после молитвы лечь на прекрасные постели, чтоб отдохнуть, другим сесте за стол писать мемуары, но не сморкаться в простыни, не требовать "прибавки" к обеду, а то получают "прибавку" срока заключения. Рузвельт входит и умиляется при виде "санаторных условий" заключения. Переводчик уверяет, что перед ней коллаборанты, которые по приказу немцев убивали русских детей, приговоренные к смерти, замененной этим "перевоспитанием". Когда некоторые протестуют по-русски против столь наглого обмана, их уводят, а Рузвельт объясняет, что они протестовали против положения негров в США и требуют рассмотрения этой проблемы Объединенными Нациями. Рузвельт умиляется, когда при ней привезенный с волн священник служит молебен, который торопится выйти из камеры за американцами, ибо боится, что его в ней запрут с заключенными (стр. 427-446).

Очень сильно описан арест крупного советского дипломата Володина, который уже в "обработке" на Лубянке после ареста теряет присутствие духа и

превращается еще до первого допроса из советского сановника в трясущегося заключенного (стр. 673-713). Вообще роман Солженицына, верно передающий страшные условия жизни на нашей родине, ложь и жестокость режима в лагерях даже для привилегированных специалистов, разные формы угнетения и протеста со стороны сохранивших честь и совесть заключенных, является великим произведением нашей литературы и благодарим Бога, что он не погиб и войдет в историю нашей подпольной литературы брежневской эпохи, навсегда заклеймяв сталинский режим.

Хочу в заключение передать автобиографический эпизод из жизни Солженицына, которым он стремится увековечить и передать потомству образ своего любимого гениального учителя в области математики. Автор кончил весной 1941 г. математический факультет в Ростове, потом мобилизован, отправлен на фронт, в 1945 г. арестован и с тех пор находился в концлагере до 1953 г. В книге инженер Нержин, под которым надо видеть самого автора, встречается в 1949 г. в "Первом Круге" с товарищем по университету, арестованным после войны, и тот с ним вспоминает любимого учителя, фамилию которого Солженицын заменяет, возможно, думая, что профессор еще жив. "Это была наша гордость Дмитрий Дмитриевич Горянов-Шаховской: маленький старичок, казавшийся еще старше, благодаря своему поношенному костюму, который пачкал мелом. По рассеянности он клал мел в карман бархатной куртки с тряпкой доской вместо носового платка. Мы знали, что в юности он был гордостью Варшавского Императорского Университета, а потом в Ростове 60-летие его научной деятельности было отпраздновано телеграммами со всего мира: Милуоки, Кэптоун, Иокогама". Студенты помнили его ответ на записку на публичной лекции о чтимом им Ньютоном: "Маркс писал, что Ньютон был материалистом, но Маркс ошибался: Ньютон верил в Бога, как всякий великий ученый". Нержин вспоминает, как трудно было записывать его лекции: слабо опираясь на большие ноги, он писал на доске и бортовой свои объяснения, но вечером Нержин с другим студентом расшифровал записки и его душа при этой работе освещалась как бы ярким светом. Теперь Нержин узнает от встреченного товарища, что старик был ранен при воздушном налете германской авиации и его полуживым увезли в Киргизию, но после войны профессор вернулся в Ростов. Ему почему-то не дали курса в университете, но он еще в 1949 году продолжал преподавать в Педагогическом институте. Эти строки написаны Солженицыным, чтоб оставить память о гениальном русском ученом, перед которым студентом благоговел. Роман Солженицына "В первом круге" никогда не забудется читателями, как гениальный "Ад" Данте или "Записки из Мертвого Дома" Достоевского. Алексей Ростов

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 24

Печатается без ведома
и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

Оставалось Донцовой лишь продолжить старую карточку, записать, что стали атрофичны мягкие ткани и что по всей видимости это есть позднее лучевое изменение.

Ни этому перекобощенному юноше, ни этой обездоленной матери никто не объяснил, конечно, что их лечили в детстве не так: объяснять это было бы в личном отношении бесполезно, а в общем отношении — вредило бы санитарной пропаганде среди населения.

Но у самой Людмилы Афанасьевны эти случаи вызвали порясение, ноющее чувство неискупимой и неиспадимой вины — и туда-то, в эту точку, попал сегодня Костоготов.

Она сложила руки накрест, обнимая плечи, и прошла по комнате от двери к окну, от окна к двери, по свободной полоске пола между уже выключенными аппаратами.

Но можно ли так? — ставить вопрос о праве врача лечить? Если думать так, если сомневаться в каждом научно принятом сегодня методе не будет ли он в будущем опорочен или отвергнут, — тогда можно черт знает до чего дойти! Ведь смертные случаи описаны даже от аспирина: принял человек первый раз в жизни аспирин и умер! Тогда лечить вообще нельзя! Тогда вообще нельзя приносить повседневных благ.

Этот закон, вероятно, имеет и всеобщий характер: всякий делаящий и всегда порождает и то, и другое — и благо и зло. Один только — больше блага, другой — больше зла.

Но как бы она себя ни успокаивала, и как бы ни знала она отлично, что эти несчастные случаи вместе со случаями неверных диагнозов, поздно принятых или неверно принятых мер может быть не составят и двух процентов ее деятельности, — а исцеленные ею молодые и старые, женщины и мужчины, ходят по пашне, по траве, по асфальту, летают по воздуху, убирают хлопок, лазят по столбам, метут улицы, стоят за прилавками, сидят в кабинетах или в чайханах, служат в армии и во флоте, и их тысячи, и не все они забыли ее и не все забудут, — она знала также, что сама она скорее забудет их всех, свои лучшие

случаи, свои труднейшие победы, а до могилы будет помнить тех нескольких, тех немногих горемык, которые попали под колеса.

Такова была особенность ее памяти.

Нет, готовиться к сообщению сегодня она уже не сможет, да и день к концу. (Разве взять папку домой? Наверняка провозишь зря, хоть сотни раз она так брала и возила).

А что надо успеть сделать — вот "Медицинскую радиологию" освободить, статьи дочесть. И ответить этому фельдшеру в Тахта-Кугыр на его вопрос.

Плохой становился свет из пасмурного окна, она зажгла настольную лампу и уселась. Заглянула одна из ординаторов, уже без халата: "Вы не идете, Людмила Афанасьевна?" и Вера Гангарт зашла: "Вы не идете?"

— А как Русанов?

— Спит. Рвоты не было. Температура есть. — Вера Корнильевна сняла глукую халат и осталась в серо-зеленоватом тафтяном платье, слишком хорошем для работы.

— Не жалеете таскать? — кивнула Донцова.

— А зачем беречь?.. Для чего беречь?.. — хотела улыбнуться Гангарт, но получилось жалостно.

— Ладно, Верочка, если так, следующий раз введем ему полную, десять миллиграмм, — в своей убыстренной манере, когда слова только время отнимают, протолкнула Людмила Афанасьевна и писала письмо фельдшеру.

— А Костоготов? — тихо спросила Гангарт уже от двери.

— Был бой, но он разбит и покорился! — усмехнулась Людмила Афанасьевна, и опять почувствовала от выпаса усмешки как резануло ее около желудка. Она даже захотела сейчас и пожаловаться Вере, ей первой, подняла на нее прищуренные глаза, но в полуметровой глубине комнаты увидела ее как собравшуюся в театр — в выходном платье, на высоких каблуках.

И решила — до другого раза.

Все ушли, а она сидела. Совсем было ей бесполезно и полчаса лишних проводить в этих помещениях, ежедневно облучаемых, но вот так все цеплялось. Всякий раз к отпуску она была бледно-серая, а лейкоциты ее, монотонно падающие весь год, снижались до двух тысяч, как преступно было бы довести какого-нибудь больного. Три желудка в день полагается смотреть рентгенологу по нормам, а она ведь смотрела по десять в день, а в войну и по двадцать пять. И перед отпуском ей самой было впроу переливать кровь. И за отпуск не восстановливалось утерянное за год.

(Продолжение следует)

